

НАДЕЖДА и НИКОЛАЙ

КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

ЦЕНТРОПОЛИГРАФ

ЗОРИНЫ

ПРЕВРАЩЕНИЕ
В ЗВЕРЯ

Николай Зорин

Превращение в зверя

«Центрполиграф»

2010

Зорин Н.

Превращение в зверя / Н. Зорин — «Центрполиграф», 2010

Молодая женщина, врач скорой помощи, сбила ребенка. Уверенная в том, что совершила убийство, она скрылась с места преступления. Не сумев вынести мук совести, женщина в конце концов решилась на самоубийство. Ее спас незнакомый человек, но предложил сделку. Тогда она не понимала, в какие страшные сети угодила и какую роль ее вынудят сыграть. Если бы не Андрей Никитин, шеф детективного агентства, она никогда бы не распутала ужасный клубок коварного заговора.

© Зорин Н., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Надежда Зорина, Николай Зорин

Превращение в зверя

Роман

Пролог

– Не стоит торопиться. Вы умрете второго декабря. Да, пожалуй, двух недель хватит, чтобы все подготовить. – Он поднес чашку к губам, сделал глоток, поморщился – чай оказался слишком горячим. – Все должно выглядеть естественно. Завтра вы напишете заявление по собственному желанию, уволитесь с работы, расскажете знакомым, что переезжаете в другой город... – Он вытянул из пачки сигарету, покрутил зажигалку в руке. – Не возражаете? – И, не дождавшись разрешения, закурил.

Я возражаю! Я не хочу умирать! Теперь не хочу, и дело не в сроке! Зачем япустила его в свою квартиру? Зачем заварила чай? Зачем позволила ему давать инструкции по моей смерти? Я не хочу умирать! Почему же тогда не заставлю его замолчать, почему не объясню, что я не хочу, не могу!..

– Что же вы не пьете чай? – Он улыбнулся, не нарочито, вполне естественно, как если бы мы действительно просто пили чай – мужчина и женщина.

Надо ему объяснить... Нет, надо сдерживать истерику, сделать что-нибудь такое же естественное: кокетливым жестом откинуть со лба волосы, достать пудреницу, напудрить нос, в естественной женской фальшивости надуть губы и капризно протянуть: «Отчего вы так уверены, что я вас послушаюсь?» Ничего не получится! Я знаю, отчего он так уверен. Главное – не заплакать! Главное – не накинуться на него! Главное... Никакого естественного жеста у меня не вышло. А он снова поднес чашку к губам, осторожно отпил и опять улыбнулся.

– В две недели вы вполне уложите. А теперь самое важное: где и как это произойдет.

Он выдохнул дым, специально в этом месте делая паузу, призывая к сосредоточенности и вниманию с моей стороны. И я постаралась сосредоточиться, изо всех сил попыталась сделать вид, что это деловой разговор: я готова внимательно выслушать необходимые инструкции, я даже готова им следовать. Кивнула, откашлялась, отпила наконец из своей чашки и совсем по-деловому спросила:

– Где и как?

Блокнот и ручка, строгий костюм с легкомысленно короткой юбкой – секретарша-смертница. Я готова, я все запишу-запомню.

Комната качнулась, комната поплыла, поплыла. Лучше обморок, чем истерика.

– Где и как?

– Возьмите себя в руки! Так разговаривать невозможно. Поймите, ваше время закончилось. Истек срок, тут уж ничего не поделаешь. В конце концов, вам было дано пять лет – это не так и мало. Да еще две недели. Кстати, я не спросил, как вам жилось эти годы?

– Хорошо.

Комната вернулась на место, а блокнот и ручку я, кажется, потеряла.

– Ну, не преувеличивайте. Я видел сегодня... Не думаю, что сегодняшний день – лучший в вашей жизни.

– Прекрасно жилось.

Я не хочу умирать! Я хочу дожить до глубокой старости! Пять лет я прожила счастливо, дайте мне хотя бы еще пять лет, давайте составим новый договор! Я не хочу!..

– Елена Владимировна!

Я не хочу! Не хочу!

– Леночка!

Надо сдержаться, а я не могу! Он не должен видеть... а я не могу. Сесть прямо, улыбнись по-деловому сухо-приветливо-отчужденно и дай ему продолжить наш разговор.

Я не смогла, не сдержалась, сделала самое худшее – заплакала. Он подошел ко мне, обнял за плечи. Мой палач стал меня утешать, мой палач протянул мне платок, свой платок в синюю белую клетку. Надо перестать! Немедленно, сейчас же!

Я не могу перестать, я не могу остановиться. Он целует меня в затылок, он шепчет мне что-то, какие-то слова – обыкновенные, какие шепчут плачущим женщинам. Я не могу остановиться! Он тоже не может – целует и шепчет:

– Леночка, Лена, Елена Владимировна, тише, тише, моя дорогая! Это в пяти километрах от города, в сторону карьера, потом, позже, я дам вам подробную карту и расскажу, как добраться. Утром второго вы вызываете такси, едете на вокзал, садитесь в поезд, но не проходите в купе, а смешиваетесь с толпой провожающих и возвращаетесь...

Мужчина и женщина. Он шепчет обыкновенные слова, он целует, целует. Пора ответить на его поцелуй. Пора прижаться к его сильному телу.

– Ваше тело никогда не найдут, это очень надежное место. Но если вам страшно...

– Да, мне страшно! – Я прижимаюсь к нему.

– Не бойтесь, – тихо и нежно выдыхает он мне в ухо, – я буду рядом, я все время буду рядом с вами. Если станет особенно страшно, я вам помогу. Не бойтесь...

Я не боюсь, я больше не боюсь. Я в комнате одна. Я уже давно одна в комнате. Кресло, в котором он сидел, пусто. Чашка, из которой он пил, пуста. Я, которую он утешал, пуста. Я помню, что мне был зачитан приговор и дана подробная инструкция моей смерти, но я не боюсь и пуста. Две недели...

Я не могу понять, что значит – две недели, смысл этого сочетания от меня ускользает. Две недели... Они тоже пусты, как их наполнить? Две недели. Много это или мало? Смотря для чего. Для жизни мало, для подготовки к смерти много. Но он сказал, что торопиться не стоит. Что ж, и не буду.

Часть первая

Глава 1 История любви

Когда-то совсем в другой жизни, в другом городе, в других снах я увидела его лицо. Я тогда была совсем не я. Мои представления о счастье ничего общего не имели с нынешними. Мне не могло присниться его лицо, никак не могло, однако приснилось. В моих снах был сентябрь, теплый и желтый, под цвет солнца. Мы ели желтые яблоки... Я очень хорошо запомнила его лицо. Мои сны пропахли желтым солнечным соком. Мои сны пропахли сентябрем, я помню. А может, потому так помню, что сейчас сентябрь и я его встретила? Не знаю. Но мне бы хотелось, чтобы и в моих прошлых солнечных снах был сентябрь. Сентябрь. Какое прекрасное, радостное слово! Только в сентябре и можно встретить давно приснившееся счастье. И пусть никаких снов не было, разве это важно? Мы встретились, и несуществующие мои сны сбылись. Значит, они стоят того, чтобы их выдумать.

Я полюбила его почти с первого взгляда, во всяком случае с первого свидания точно. Ах да, были ведь еще мои сны. Я полюбила его за много лет до первого взгляда.

Он меня поразил. Я все представляла, как будет проходить наше первое свидание, подбирала наряд, экспериментировала с макияжем, готовила фразы: красивые, умные, загадочные – и немного волновалась. Вот он поднесет мне букет, я скажу... Вот он возьмет меня под руку, я скажу... Вот он пригласит меня (в театр, в кафе, в ресторан, просто прогуляться по улице), я скажу... Вот он спросит меня... я скажу... Для каждого этапа свидания у меня была заготовлена подходящая фраза. А никаких фраз и не понадобилось.

Все началось с того, что Евгений не подарил мне цветов. Я обиделась, расстроилась, разочаровалась в себе, а он протянул мне диск.

– Что это? – спросила я, раздражаясь, – мне почему-то представилось, что он дает компромат на кого-то в надежде, что мы станем сообщниками.

– Элюар. В исполнении Градского.

– Элюар? – Я не сразу поняла, что он имеет в виду, не сразу смогла перескочить от идеи компромата к поэту. – Но почему?

– Я подумал, что вам не может не нравиться Элюар. Это просто невозможно.

– Да, конечно, мне нравится. – На всякий случай я не стала разочаровывать его в себе. – Но почему вы так думаете?

– Потому что его стихи словно посвящены вам.

Евгений сказал это таким тоном, так убежденно, что я поняла: это не лесть, не комплимент, он действительно так считает. И в тот момент я тоже вдруг почувствовала, что это правда, и даже вспомнила несколько строчек из Элюара. И поняла, что влюбилась. И испугалась, что по какой-нибудь нелепой случайности из любви моей ничего не выйдет. И подумала, что сделаю все, чтобы вышло. И от радостной решительности чуть сама все не испортила, чуть сама не создала эту нелепую случайность.

– Вы ведь недавно в нашем городе? – начала я банальнейший разговор. Евгений смутился – он никак не ожидал от меня такой заурядности: это после-то Элюара? – Я вот довольно давно, – тоже смутившись, все-таки продолжала я гнуть свою линию. – Мне здесь нравится.

– Н-да... – Он то ли кашлянул, то ли фыркнул в кулак, но я не могла унять – хотела, но не могла.

– А где вы работаете?

– Не там, где мечтал бы работать.

– А я врач скорой помощи, – уже еле слышно проговорила я и наконец замолчала. Что произойдет сейчас: он отберет у меня диск и уйдет? Оставит мне диск и все равно уйдет? Я отдам ему диск, извинившись, и сама уйду, разочарованная в себе окончательно?

Он взял меня под руку и повел по улице. Мы долго молчали. А потом как-то так получилось, что вдруг оказались в моей комнате, сидящими в креслах друг напротив друга, – я не знаю, не помню, не могу объяснить, как и когда это произошло. Звучал Элюар в исполнении Градского.

Я так тебя люблю, что я уже не знаю,
Кого из нас двоих здесь нет...

Элюар ускользал, Евгений ошибся: не обо мне, не для меня он писал, не мне посвятил свои стихи, а той, другой, женщине, оставшейся в прошлой жизни. Это она любила бы такой любовью, она захотела бы умереть от блаженной тоски, от непереносимой боли, от экстаза страдания. Во мне, настоящей, счастье не желало выходить за рамки самой заурядной мелодрамы со счастливым концом. Градский пел, Женя слушал, а я смотрела на него и тихо грезила.

Мне хотелось ему рассказать, как однажды во сне увидела его лицо – был такой же солнечный желтый сентябрь. Я хотела попросить его дарить мне цветы, всегда, при каждом свидании. Я хотела коснуться его лица. Я хотела, чтобы наш вечер перешел в продолжение... Но мешал Элюар. И потому мне ничего не оставалось, как только грезить.

* * *

Это была моя первая любовь. Первая любовь, которая пришла ко мне с таким опозданием. Первая любовь, продлившаяся два с половиной месяца. У моей любви был несчастливый конец. У моей любви конец был трагический. Часа через два действие транквилизатора ослабится, еще через полчаса сойдет на нет. Тогда я опять буду кричать, кричать, кричать и не смогу остановиться. Я буду безумна, я знаю, через два с половиной часа. Умереть от горя невозможно, это я тоже знаю. И потому я буду кричать... До того момента, пока я себе не разрешу сделать новый укол. У меня достаточно ампул, чтобы покончить разом... чтобы не возвращаться в крик. Но я не могу, не имею права, я должна сначала его похоронить.

А пока у меня в запасе два с половиной часа. Два часа я смогу вспоминать, спокойно, без боли. В эти два часа я проживаю свое счастье, в эти два часа я могу говорить себе: он умер.

Он не умер, его убили, но сейчас мне не больно. Я даже в состоянии улыбаться, не потому, что мне улыбается, а просто могу, если надо, если того требуют воспоминания. Язык моих воспоминаний чуть-чуть заплетается – перебрала! – но мне не страшны никакие ассоциации. Он умер, убит, его, мертвого, убитого, обнаружила я. Через два часа после смерти. Я не эксперт, я всего лишь врач скорой помощи, но время смерти определила точно.

Я не хотела определять время его смерти, я хотела нащупать пульс. Знала, что нащупать его невозможно, – я врач, к сожалению, врач, мне слишком хорошо известна анатомия человеческого тела. Удар пришелся прямо в сердце, какой уж тут пульс! Но я стала нащупывать. А в голове прозвучало: он мертв около двух часов. Это не я подумала, это какая-то посторонняя, не моя, мысль пролетела. И тогда я подумала: два часа назад я, живая, сидела в кресле и слушала Элюара.

У меня есть два часа. Нет, уже меньше, но все равно я успею вернуться к началу. До того, как сойду с ума. Был ноябрь, середина, было сыро и холодно... Ну да, и сейчас ноябрь, все еще ноябрь, ведь все случилось вчера.

Был ноябрь, я сидела в кресле. Был ноябрь, середина, вечер, я только что вернулась с работы. Я слушала Элюара и ждала Женю. К ноябрю, к середине, к этому вечеру я научилась любить Элюара, научилась чувствовать боль, научилась умирать в любви. Я так его ждала, я поняла, что значит:

Я так тебя люблю, что я уже не знаю,
Кого из нас двоих здесь нет.

Мы умирали трио, а Женя все не приходил. Тогда я поняла, что не только умирать научилась, но и предчувствовать несчастье. Мне вдруг представилось, что никогда уже его не увижу. Никогда... Я бросилась к телефону.

Ни мобильный, ни домашний его не отвечали. И тогда картина кошмара сделалась такой яркой, такой объемной, такой осязаемой, что я слегка помешалась от горя. Но потом взяла себя в руки и позвонила снова. И звонила долго, набирая по очереди номера телефонов, уговаривая себя, приговаривая: это ничего, это совершенно ничего не значит, сейчас он сам позвонит в дверь, он уже поднимается по лестнице, он уже подходит к моей двери... Ну и что, все равно ничего не значит, ничего, ничего. Потерял мобильный, такое случается, попал в пробку... Телефоны не отвечали.

Телефоны не отвечали. Я больше не могла себя уговаривать. Не дождавшись очередного конца: сбой вызова, абонент не отвечает, вызвала такси и поехала к Жене.

Не знаю, зачем я поехала к нему. На что я надеялась? На то, что он сидит дома, но почему не подходит к телефону? На то, что его телефоны сломались? На то, что у него появилась другая женщина? Да, надеялась. Не надеялась, а молила судьбу, чтобы все так и оказалось. Молила судьбу, но уже знала, что она меня не слушает, сделает по-своему, уже сделала.

Час двадцать семь. Мне осталось меньше полутора часов до начала безумия, но я успею. Успею дожить до конца – пережить заново его смерть. Свою смерть.

Я вышла из такси. Подняла голову – в окне большой комнаты горел свет. Я сказала себе: ну вот, что я говорила! Вошла в подъезд, поднялась по лестнице...

Час двадцать. Остался час и двадцать минут. Потом заморозка начнет отходить. Легкие покалывания сообщат о том, что процесс пошел: анестезия заканчивается, душа размораживается, скоро она превратится в неаппетитный кровавый кусок мяса, пронизанный нервами. Я врач, я знаю. Я жертва, я знаю. Я могу начертить амплитуду страданий. Но пока время еще есть.

Я вошла в подъезд, поднялась по лестнице. Позвонила в дверь. Долго-долго звонила в дверь. Сообразила, что у меня есть ключ. Сообразила, что, если я так долго звоню и не открывают, ключ не имеет никакого значения, входить мне нельзя – и вошла. Тишину я послала к черту, а на себя прикрикнула: успокойся, дура, это ничего не значит, он спит, просто спит, и это все объясняет... он лежит на диване, в неудобной позе, без подушки, нужно поспешить...

Он лежал на полу в неудобной позе.

В конце концов, если я себе пораньше сделаю следующий укол, ничего страшного не произойдет. Мне ведь протянуть-то всего ничего – до похорон, до завтрашнего дня.

Он лежал на спине. То, что торчало из его груди, нисколько не походило на ручку орудия убийства, скорее на игрушку: трехцветный – желтый, красный, зеленый – пластмассовый жезл. Кровь... Если не придавать ей значения... Большая черная лужа... Я не сразу поняла, что со мной произошло, отчего у меня сделалось черно-белое зрение. Я пыталась нащупать пульс – кто-то чужой в моей голове сказал: смерть наступила примерно два часа назад. И тогда я подумала: два часа назад я сидела в кресле и слушала Элюара.

Кричать и биться я стала значительно позже.

Я не знаю, когда я стала кричать. Я не знаю, откуда в комнате взялась милиция. Я не звала их сюда, я никого не звала. И почему наш Иван, медбрат, так бесцеремонно распоряжается

моим телом? Почему он обращается со мной как с больной, к которой вызвали скорую? Что он мне колет, зачем?

Эти занавески никуда не годятся, я давно собиралась сшить новые. Об этом я и сообщила следователю (или он не следователь, я в этом плохо разбираюсь), с которым мы на кухне составляли протокол моих показаний. Он сидел к окну спиной и обернулся, когда я это сказала. Но пришли еще какие-то люди, и наш разговор перескочил на другое. Впрочем, возможно, я ошибаюсь, я плохо помню этот разговор. Я ведь для того теперь и вспоминаю, чтобы все вспомнить.

У меня еще есть время. У меня еще почти час. Нужно немного подать назад, вернуться к моменту, когда я вошла в подъезд, и пройти этот отрезок пути заново. Тогда обязательно вспомню.

Гораздо лучше было бы не вспоминать, а уснуть – проспаться до завтрашнего дня, а после похорон умереть. Но мне кажется, что необходимо вспомнить, нельзя, не вспомнив, умереть.

Я вошла в подъезд... Нет, так не годится, нужно еще немного подать назад, ведь, когда вошла в подъезд, я уже все знала, только обманывала себя, что не знаю. Впрочем, и тогда, когда смотрела на окна и увидела свет в большой комнате, знала, и когда в такси ехала, знала, и когда... Даже когда Элюара слушала, знала – вот в чем дело. Это я только что поняла. Но может, и тут лукавлю, может, и тогда, уже тогда знала.

Я знала о том, что его потеряю, с первого нашего свидания. Потому и мелодраму придумала – притворство это было одно, перед собой притворство. И счастье без страдания – притворство: я не только способна была страдать в любви, я не способна была не страдать. Зачем же я не расторгла контракт, зачем вступила в такую невозможную сделку с совестью? Я знала, что он погибнет, – я убила его. Я должна была бежать, а я осталась.

Неправда, неправда, неправда, зачем я себя так мучаю? Это просто кончается анестезия – я не знала, ничего не знала, ничего не предчувствовала.

Я умру. Но это будет еще не скоро – завтра. Еще целые сутки мне кричать и биться. Но почему, почему, почему...

Знаете, не одна я такая лгунья, я просто самая несчастная, я просто счастья хотела и думала: а вдруг обойдется? Любая бы на моем месте так поступила, любая! Все, все! Господи! Как же мне все это вынести?

Хотела сделать себе досрочный укол, но все же удержалась, не стала.

Итак... Я вошла в подъезд... Нет, раньше! Я слушала Элюара. С тех пор как мы с ним познакомились, я все время слушала Элюара, но не могла понять. И только вчера, в тот самый час, когда все было кончено, когда на полу в неудобной позе он замер, когда захлопнулась дверь за убийцей, я все поняла.

Свет вспыхнул, взорвался – перегорела лампочка. Женя так и не успел заменить мои на лампы холодного света, как я не успела сшить ему новые занавески на кухню. Мы ничего не успели. Он мечтал повезти меня в Париж. Я мечтала познакомить его с собой, настоящей. Но мы не успели. Что толку теперь кричать, что толку биться? Даже вспоминать не осталось никакого смысла.

Но я вспоминаю, снова и снова погружаюсь в нашу такую короткую совместную жизнь. Я ведь не могу ничего забыть, значит, не могу и не вспоминать. Наша ночь любви, через долгую неделю после первого свидания, когда мы наконец преодолели смущение и на время (всего на пару часов) отодвинули в сторону Элюара, была божественно-сумасшедшей. А перед этим мы целовались под кленом, а потом танцевали в ресторане под Эллингтона... А наутро...

* * *

Полный перечень услуг. Я на этом настаивала, когда подписывала договор с человеком из ритуальной конторы. Полный перечень услуг, где расписаться? Оставьте меня скорее! Я не знала, что полный перечень включает так много, я не думала, что ритуал так затянется, не предполагала, что сил у меня осталось так мало. А на кладбище будет так холодно. А могила окажется бездной, черной бездной...

В полный перечень услуг входил даже врач. Он-то и ухватил меня за рукав, остановил на краю, не дал рухнуть в бездну. Я сама врач, сказала ему, не беспокойтесь, мне уже лучше. Только слишком громко играет оркестр. Только какая-то женщина слишком отчаянно плачет, она надрывает мне душу.

И вот еще чего я не ожидала: провожать Женю приду я одна.

Я иду за гробом в вынужденной торжественности – зачем я заказала полный перечень? Я одна иду за торжественным гробом. Не плачьте, не надо, я и сама сегодня умру.

Я иду... Я упираюсь в бездну. Я стою над могилой. Прощай, Женечка!

– Я знаю, что значит потерять близкого человека, – раздается за спиной голос. – Вы можете опереться о мою руку, Елена Владимировна.

Моя рука сама собой опускается на подставленную руку – еще одна услуга из перечня, оплаченное сочувствие? Я поворачиваю голову – мужчина. Он смотрит на меня таким проникновенным взглядом, что мне становится не по себе.

– Недавно я потерял отца. Вы помогли мне пережить эту утрату. Теперь я помогу вам. Пойдемте, вам надо согреться. Вам нужно, чтобы кто-то был рядом. Я буду рядом.

Согласно киваю, потому что не до конца понимаю смысл его слов. Согласно киваю и делаю несколько шагов по инерции рука об руку с ним.

– Вы очень его любили? Вы были счастливы?

Что-то в голосе его меня пугает. Что-то в лице его вызывает ужас. Непроизвольным движением я отталкиваю его. Когда-то где-то я уже видела это лицо.

– Кто вы?

– Я помогу вам справиться с вашей утратой.

– Кто вы?

– Пойдемте. На меня вы можете полностью рассчитывать, на мою помощь, на... мое уважение к вам.

– Кто вы?

– Я... Это трудно сразу объяснить. Здесь невозможно. Пойдемте.

Он снова пытается взять меня под руку.

– Пустите! Оставьте меня!

Я вырываюсь и, не дожидаясь конца ритуала, бегу с кладбища.

Глава 2

Просто убил

Когда я стал убийцей? Прикидываю и так и сяк, пытаюсь вспомнить – не выходит. Не то чтобы этот вопрос меня сильно мучает, в сущности, мне наплевать, но хотелось бы все-таки понять. Отец умер двенадцатого июня, но это ничего не значит. Он мог умереть и одиннадцатого, и тринадцатого, и любого другого числа. Двенадцатого убийцей стал он, а когда я? Когда обнаружил тайник? Черт его знает, когда это было. В мае, не позже середины. Но одно могу сказать точно: в субботу. По субботам я менял ему белье, с самого утра, перед тем, как приступить к уборке в квартире. Перестилал постель и обнаружил тайник. В прорехе матраса (он специально ее проделал – думаю, ножницами) отец спрятал пузырек. В нем уже накопилось пять таблеток – снотворное, я узнал эти таблетки по форме и цвету, ведь каждый вечер сам ему и выдавал вместе с обезболивающим. Нет, не в тот момент я стал убийцей, когда обнаружил тайник, потому что не понял, для чего именно он таблетки прячет. Тогда у меня вот какая мысль возникла: притворяется, не так он и болен, как хочет показать, раз не пьет то, что ему прописал доктор, надо получше осмотреть матрас, наверняка тут найдутся и другие лекарства. И еще: может, он вообще давно уже в состоянии ходить, и ходит по квартире, когда я на работе, подсмотреть бы как-нибудь, застукать его на месте преступления, только перехитрить его трудно. Я посмотрел на отца, сжимая в руке пузырек. Он сидел на стуле, куда я его перенес на время смены постели: тощие ноги, рахитичные плечи, седые волосы, лицо какое-то тупое – нет, вряд ли он может еще выкидывать такие фортели. Тогда зачем прячет лекарство? И тут меня осенило. Я сунул пузырек на место, в тайник, достелил постель и положил отца. Вот, значит, в какой момент я стал убийцей – когда пузырек назад сунул, а отцу-то ничего и не сказал, даже виду не подал, что знаю. Или нет, не тогда – я ведь еще не был до конца уверен, я проверить хотел. Проверить и уличить, сказать: вот, значит, что мы задумали, а кто мне все детство мозги компостировал: настоящий мужчина должен быть сильным? А сам-то? Где же теперь твоя сила, которой ты всех достал уже?

Я едва дождался следующей субботы. Таблеток в пузырьке стало ровно на семь больше. Но я не уличил его, злорадствовать настроение пропало. Я... положил пузырек на место. Вот с этого-то момента и стал убийцей.

Тоже нет. Помню, мне подумалось: все это просто его штучки. Да чтобы он себя убил – никогда! Хоть и спекся, да всех еще переживет. Это он надо мной новое издевательство придумал, мол, видишь, до чего ты меня довел – жить не хочется. Он всегда надо мной измывался! И в детстве, и вообще всю жизнь! Ни во что не ставил, считал неудавшимся ребенком: и учился я плохо, и постоять за себя не мог, и спортом никаким не занимался. А он все мог и всем занимался и ужасно гордился собой. Особенно тем, что закончил институт. Если бы он так плешь этим институтом не проедал, я, может быть, тоже поступил бы. А так специально после восьмого класса в училище документы подал, назло ему. Ну и что! Теперь не жалею, специальность у меня хорошая – сборщик мебели, с моими руками в наше время не пропадешь, а закончил бы, как отец, институт физической культуры, и что? В школу на пять тысяч идти? Спасибо, не надо, и без высшего образования обойдемся.

Так вот. Не поверил я в то, что он может себя убить, значит, не стал еще соучастником убийства. Не стал. Но подумал: а вдруг все же?... И жутко мне сделалось, и как-то... не знаю, весело, что ли? Я начал представлять жизнь без отца. Вся квартира в моем распоряжении, все время в моем распоряжении, никто на мозги не капает, что хочу, то и делаю.

Но убил я его не поэтому. Почему, трудно сказать.

Я его не любил – это правда. И он меня никогда не любил – это тоже правда. Но не из-за нелюбви я позволил ему умереть – ждал его смерти. Не знаю из-за чего.

Получается, я убил его просто так? Как убивает маньяк?

Нет, и это неправда.

Он умер двенадцатого июня. Его тайник я обнаружил в середине мая. Почти месяц ждал его смерти. Странное это было состояние, ничего подобного я раньше не испытывал. Приходил с работы, выкладывал продукты в холодильник, принимал душ, ставил чайник и только потом шел к нему в комнату. Несколько раз было так, что он крепко спал, но ведь с порога-то не поймешь, спит человек или... Становилось страшно и в то же время... трудно объяснить как. Однажды я сказал себе: ну вот и все, – а он пошевелился и открыл глаза.

Но вот о чем я все время думал: знает он или нет, что я знаю? Иногда мне казалось, знает, иногда – нет. Сейчас я уверен: знал. Не мог же он всерьез надеяться, что я, перетряхивая его постель каждую субботу, не обнаружу тайник? Получается, он понимал, что его сын, по существу, убийца?

Когда он умер – не в тот вечер и не в ту ночь, а через некоторое время, позже, тогда я был занят другим, – я вдруг испугался: отец не из тех людей, которые пропустят удовольствие отомстить. Так вот, не оставил ли он где-нибудь записки, не послал ли письма, в котором написал бы о том, что я все время знал о готовящемся самоубийстве и не предотвратил его? К нему иногда заходила соседка, когда я был на работе. Она, кстати, и вызвала тогда скорую. Что, если записка у нее? Я к ней долго потом присматривался, даже несколько раз приглашал в гости – не на поминки, это само собой, а так, на чай по-соседски. Не смог до конца понять: вроде вела себя обычно, но кто знает.

Я до сих пор не уверен, что не существует такой записки. Скорее всего, она существует. Но где? У кого? И чем мне это может грозить?

В сущности, не это важно. Важно то, что при жизни он знал. Никогда ему этого не смогу простить! Может быть, я за это его убил? Он все время знал и не показывал виду, он смеялся надо мной, когда я за ним ухаживал (особенно, наверное, когда перестилал постель по субботам).

Впрочем, и тут промахнулся – не за то, что он надо мной смеялся, я убил его. И не за то, что он позволил себя убить. Наверное, я никогда не смогу до конца понять причины. Скорее всего, так: я его просто убил.

Пришел с работы в тот день я как обычно, даже не задержался ни на минуту. Не думалось мне, что это сегодня произойдет. Иду двором, вижу – «скорая» у подъезда. Ну, «скорая» и «скорая», в нашем подъезде пятьдесят с лишним квартир. Сердце, конечно, екнуло, но... Пока на этаж свой не поднялся, все не верилось. А тут смотрю – дверь нараспашку, голоса в квартире, всхлипывает кто-то. Захожу – и все понимаю.

Я много раз представлял себе этот момент: как я прихожу с работы и нахожу отца мертвым. Готовился к нему. Думал так: прежде всего нужно вызвать скорую, притвориться непонимающим. Они приедут, скажут: все кончено, усадят на стул, принесут с кухни воды, станут утешать – я буду убит горем. Главное было не сфальшивить.

Я вошел в квартиру и натолкнулся на соседку. Это она всхлипывала.

– Какая легкая смерть! – сказала она, словно завидуя. – Столько мучился, страшно подумать. Для него это лучший выход.

Она еще что-то сказала, но я не стал слушать, кинулся в комнату. Отец лежал на кровати без одеяла, худой, старый, мертвый. Молодой парень в белом халате что-то писал за столом под диктовку женщины, тоже в белом халате. Она стояла ко мне спиной и вдруг обернулась...

Я никогда не видел таких женщин! Не знаю, что со мной случилось в этот миг. Может, напряжение нервов и страх сказались. Может, я задохнулся от всего этого. Может, давно уже не мог в полную силу дышать. Говорят, у висельников часто случается самопроизвольное выбрасывание семени. Вот что-то подобное со мной и произошло в тот момент, когда она повернулась и посмотрела. Я понял, для чего умер отец: для того, чтобы я мог наконец жениться на

ней, на этой женщине. Он словно держал ее в плену своей жизнью, и вот теперь она вышла на свободу и явилась ко мне.

Она говорила, говорила что-то (утешала, наверное), а я... Я умер, упал на заботливо подставленный ею стул и умер. А она подумала, что я так смерть отца переживаю, наклонилась ко мне и положила руку на плечо – и свела с ума окончательно.

* * *

Она не ушла, она осталась со мной. В эту ночь мы стали мужем и женой. В ту ночь я забыл, что убийца, в ту ночь я обо всем на свете забыл. Ее голос звучал, духи пахли, ее тело было в моих объятиях. Мягчайшие шелковистые волосы, самая гладкая на свете ароматная кожа, невиданной красоты грудь. Сердце поднимается и падает, снова и снова, от невероятного блаженства.

Но наступил рассвет – в июне рассвет наступает так рано, к шести часам в комнате было уже совершенно светло! – и я понял, что ошибся, что Елены рядом нет, и все, что со мной произошло, – пока только картинка из книги Будущего. Но мне не стало стыдно за свою одинокую наготу, я не испугался и не расстроился: ведь все это обязательно сбудется, Елена станет моей женой, это решено и по-другому просто быть не может.

Я вышел на кухню, открыл холодильник, достал пакет соку (у нас всегда был сок, отца часто мучила жажда), налил в большую кружку и жадно выпил. Посидел, отдышался, сделал бутерброд и также жадно съел. Вернулся в комнату, поправил постель и крепко уснул.

Проснулся около четырех и в первый момент ужаснулся: проспал! Потом сообразил, что имею на это право, ведь умер отец. Позвонил на работу, в похоронное бюро, родственникам в Подольск и знакомым отца. Выслушал соболезнования – кажется, никто меня не заподозрил в убийстве – и пошел в ванную.

Долго стоял под душем. Мне представилось, что я моюсь после первой брачной ночи, на кухне готовит завтрак моя жена: жарит яичницу, гремит посудой и тихонько что-то напевает. Год назад умер отец – естественной смертью, от болезни. Мы выдержали траур и вот вчера поженились. И вдруг понял, что ведь это я свою судьбу вижу – все так и будет ровно через год. И засмеялся, и стал подпевать Елене. И она засмеялась на кухне – видно, услышала, как я, дурачась, пою.

Настроение было прекрасным, когда я вышел из ванной. Постоял немного у двери комнаты моего отца, который вчера вечером умер естественной смертью, и стал готовиться к приходу соболезнующих.

* * *

Года не понадобилось. Боль утраты утихла гораздо раньше. Мужчина встретил прекрасную женщину в тот страшный вечер. Она согласилась провести с ним ночь. Она не могла поступить иначе, эта женщина-ангел. А через две недели... Вернее, если быть до конца точным, через двенадцать дней они полюбили друг друга. Он и она – я и моя Елена. Потому что иначе и быть не могло, потому что они – мы – были созданы друг для друга.

Стоя тогда под душем, я понял, что жить без нее теперь не смогу, то, что произошло этой ночью между нами, не должно исчезнуть, забыться, утечь в сток, подобно грязной воде. И она тоже не сможет жить, как жила до этого, просто пока еще об этом не знает. Не знает, как припухлыми от поцелуев губами будит меня утром. Не знает, как, забыв надеть халат, готовит мне на кухне завтрак. Не знает, что мы ждали друг друга всю жизнь. Пока не знает.

Я хотел встретиться с ней на следующий день, но понял, что так не годится: сначала нужно освободиться от всех этих мероприятий, связанных со смертью отца. Чтобы ничто не

отвлекало. Вернее, чтобы ничто не омрачало нашей любви. Родственники из Подольска не смогли приехать на похороны, зато явились на девять дней и задержали нашу встречу еще на трое суток. Но зато к этому времени я точно знал, как буду действовать: просто отправлюсь в районный пункт скорой помощи, ее фамилию, имя и отчество я подсмотрел на печати в заключении о смерти, а потому легко могу узнать, в какой она смене и когда заканчивает работать.

Мне повезло: ничего узнавать не пришлось. Судьба, не в силах противиться нашему счастью, слегка подтасовала действительность – как только я подошел к «скорой», сразу увидел ее. Она стояла на крыльце и разговаривала с какой-то пожилой женщиной.

Я остановился в стороне и стал ждать: вот сейчас они попрощаются, Елена, почувствовав мое присутствие, обернется, улыбнется и подойдет. И снова зазвучит музыка ее голоса – для одного меня: здравствуйте, как вы себя чувствуете, примите мои соболезнования. Спасибо, спасибо, я в порядке, только, знаете, когда я смотрю на вас, да что там, когда просто думаю о вас, у меня начинается страшное сердцебиение. Нет, нет, про сердцебиение я ей, конечно, не скажу – подходить к этой теме нужно постепенно. А скажу я ей: раз уж мы так случайно встретились, не выпить ли нам по чашечке кофе, здесь неподалеку есть неплохое кафе.

Я стою, и смотрю, и жду. Ждать приходится очень долго.

Но вот по качанию головы понимаю: прощаются. Наконец-то! Сейчас... Я сжимаю кулак – ногти впиваются в кожу: а вдруг произойдет страшное, вдруг она меня не почувствует, вдруг она меня не узнает? Тогда...

Конечно, она подошла, конечно, она меня узнала. Я предложил ей выпить по чашечке кофе, а потом предложил всю свою жизнь – она приняла ее, она, моя Елена... И теперь мы так счастливы! По утрам Елена будит меня распухшими от поцелуев губами, а потом, забыв надеть халат, готовит на кухне завтрак. Мы скоро поженимся. А пока по ночам...

А пока по ночам я вою, вгрызаюсь в подушку зубами, чтобы заглушить стон. Ее нет со мной рядом, та счастливая картина любви мужчины с прекраснейшей женщиной, увиденная однажды под душем, оказалась обманом. Я сжимаю кулак – ногти впиваются в кожу: страшное произошло, она меня не почувствовала, не узнала – просто скользнула взглядом и прошла мимо. Я сжимаю кулак, я впираюсь зубами в подушку, я в ярости мечусь в своей одинокой постели. До самого рассвета. Рассвет в июне наступает рано – в шесть часов в комнате уже совершенно светло. Мне никогда не забыть нашу единственную ночь! Я никогда не смогу смириться с тем, что она меня не узнала! Но на рассвете ярость моя утихает, на рассвете я тихо плачу. А потом придумываю наше счастье, сочиняю то, чему не бывать никогда. Мои фантазии меня поддерживают, мои вымыслы меня утешают настолько, что иногда – да нет, всегда, всегда! – просыпаясь утром, я совершенно уверен, что ночь мы провели вместе.

Но июнь кончился. И мои счастливые ночи на рассвете тоже кончились. Она ко мне больше не приходила. Я пытался вернуться к началу моей – нашей – любви. Вскликивал среди ночи, бежал в ванную. Стараясь сквозь шум воды вновь услышать ее голос, шепот ее дыхания, закрыв глаза, до обморока стоял под душем. Ничего. Она не возвращалась, фантазии мои были мертвы. Но я не желал с этим смириться, жить без нее я не мог. Возвращался, мокрый, убитый, в свою одинокую постель. Обессиленный, пытался уснуть. Рассвет не приносил облегчения, рассвет обманывал, как и ночь. А дни мои были ужасны.

И тогда я понял, что происходит: все это козни отца, он решил отомстить мне таким образом, сделать мою жизнь невыносимой. Он снова захватил ее в плен, держит и не пускает ко мне. А еще понял, что он оставил записку. Да, да, именно тогда я это понял. И ужасно разозлился, и возненавидел его так, как и при жизни никогда не ненавидел. И решил: черта с два, не сдамся! Я все равно своего добьюсь, докажу ему, что кое-чего тоже стою.

* * *

Я твердо шел к своей цели весь остаток июля и август. Прежде всего нужно было расчитать путь – выяснить, у кого записка. Чтобы потом, посреди безоблачного счастья, не ударил гром: в одно прекрасное утро жена моя Елена получает письмо с доказательствами, что муж ее Дмитрий... Нет, этого я допустить никак не мог!

И потому извел много сил и времени на поиск записки: приглашал на чай соседку, трижды вдрызг напился со старым приятелем отца, нуднейшим старикашкой Игорем Васильевичем. Но до конца так и не понял, есть у них что-то или нет. Вроде нет, а там кто его знает. Вели они себя нормально, сочувствовали моему горю, но все-таки сомнения остались.

Сначала меня это очень беспокоило, а потом решил просто не думать. Ну а когда приступил ко второй части плана по достижению цели, действительно думать забыл о записке. Некогда было и незачем. Все силы, все мысли, все время заняла одна только Елена. Я и с работы старался побыстрее улизнуть, хоть это было и трудно. Дважды грозили уволить. Оно, конечно, ничего – такие, как я, специалисты везде нужны, но при новых обстоятельствах мне это было ни к чему. Потому что работаю я в шикарном мебельном магазине «Мягкий диван», при знакомстве не стыдно будет сказать, его все знают. И потому я не стал рисковать, перешел на сдельную работу – так у нас тоже можно. Денег меньше, зато время все твоё. А время мне как раз позарез нужно. Дороже денег теперь мое времечко.

Я вижу ее дважды в день. Я вычислил ее смены. Я сопровождаю ее на службу и провожаю домой. Я захожу вместе с ней в магазины. Я знаю, что она любит из еды, в какой парикмахерской делает прическу, какие книги читает, какую слушает музыку, какие смотрит фильмы. Я узнал, как называются ее духи, подсмотрел однажды в парфюмерном. Я даже смог ее сфотографировать. Лицо вышло размыто, но хорошо получилась машина скорой помощи. Фотографировал я сквозь стекло и на далеком расстоянии. Но это ничего, меня этот снимок вполне устраивал – Елена моя словно окутана туманом, туманом нашего пока еще несостоявшегося знакомства. Те грешные первые ночи не в счет, я решил начать свое приближение заново. И в этом новом приближении главным условием была постепенность. Мама говорила: «Поспешись – людей насмешись».

Как-то вечером Елена купила на улице букет хризантем. Я слышал ее разговор с продавщицей. Она сказала: «Знаете, я с детства обожаю этих лохматых дворняг», – и они вместе рассмеялись. С тех пор у меня на столе всегда стоят хризантемы – только одни завянут, я покупаю новые и зову их исключительно лохматыми дворнягами. Как-то утром она, видимо, не успев дома позавтракать, зашла в молочный бар и заказала себе чашечку капучино и бисквитное пирожное. Теперь я завтракаю исключительно в этом баре капучино с пирожным. Как-то в воскресенье – у Елены как раз выпал выходной на воскресенье – мы по отдельности пришли в кино.

Показывали «Морфий». Я думал, это боевик, оказалось, про какого-то врача, но кресла наши находились совсем близко, и этот фильм стал для меня самым интересным на свете. Я потом купил диск и много раз пересматривал, возвращая себя – нас двоих – в тот темный зал, в то прохладное блаженство.

Я знаю о ней все, кончается август, я только не знаю, как к ней подойти, как выйти из этой августовской тени. Несколько раз я почти решался, но всегда что-то мешало. То к остановке, где она ждала своего автобуса, подъезжала маршрутка и увозила ее. То кто-нибудь подходил что-то спросить. То я сам вдруг пугался. Не время еще, говорил я тогда себе, надо еще подождать.

И вот настало утро, когда я понял: пора! Если сегодня не решусь к ней подойти, не решусь уже никогда. Я дал себе слово, чего бы это мне ни стоило, заговорить с Еленой. Поклялся, что

заговорю. Ужасно разволновался, до того, что не пошел провожать ее на работу, и завтракать в тот бар не пошел. Ждал вечера и прямо-таки с ума сходил.

В полпятого уже заступил на свой пост: есть там у меня один клен у забора, я под ним обычно стою – удобное место: прекрасно просматривается выход из больницы, а меня совсем не видно. Я стоял и ждал, жара в тот день была страшная и духота как перед грозой. И вот она вышла... Подождал, как свернет на дорожку, и двинулся следом.

Я был готов, честное слово, готов был заговорить! Но жара помешала. Голова очень кружилась, асфальт под ногами бугрился, дышать было нечем. Елена зашла в магазин, я обрадовался: там, в прохладе, когда голова перестанет трещать, все и произойдет. Но у них, видно, не работали кондиционеры. Народу полно, шум, кассы пищат, охранники ухмыляются, как тот санитар у шкафа, – я не смог в магазине. И когда вышли, не смог, потому что стало мне совсем дурно. В автобусе она от меня была далеко, в автобусе меня чуть не стошнило. А потом, когда вышли...

Вот тут-то и случилась эта самая вещь. Дело в том, что в автобусе, хоть мне было и дурно, я придумал предлог для знакомства, прекрасный естественный предлог: у нее тяжелая сумка, я просто предложу помочь понести. И фразу придумал: вы не позволите оказать вам помощь? Теперь я был не просто готов, я был во всеоружии. Но тут случилась эта самая вещь. Елена вдруг остановилась. Я, задохнувшись, подумал: все произойдет не так, все произойдет вот как: она обернется, улыбнется, скажет: ну, что же вы? нам давно пора познакомиться. И фраза моя не понадобится, и предлог...

Она не обернулась. Она переместила свою тяжеленную сумку на кисть, открыла другую, маленькую, дамскую, сумочку, достала носовой платок и промокнула лоб. Мгновенно я ощутил невозможную липкую влажность своих ладоней.

Хорош бы я был, предложи ей помощь, протяни эту отвратительную руку. Дурак! Идиот! Я вытер ладонь о брюки, я был просто раздавлен. Вдруг увидел, кто она и кто я. Я брюки свои в новом свете увидел, футболку, сандалии на босу ногу. А если бы Елена меня пригласила в гости, что было бы, вот ужас: я бы разулся и остался босиком.

Да, я нарушил клятву, данную себе утром. Но избежал непоправимого. Теперь я рад, что так вышло. Я понял, что мне нужно делать.

* * *

Я не видел Елену три недели. Август кончился. Все это время я усиленно работал: зарабатывал деньги и очки в свою пользу. Прежде всего обновил свой гардероб: купил настоящие фирменные джинсы, несколько хороших рубашек, дорогой деловой костюм, кожаные туфли и многое еще по мелочам: пачку хлопчатобумажных носков (в них не так потеют ноги), несколько носовых платков, приличное белье. Постригся в дорогом парикмахерском салоне. Постриг и тщательно почистил ногти на руках. Приобрел дезодорант и французский одеколон. Теперь я по-настоящему был готов, теперь вполне соответствовал. Признание в любви я назначил на четырнадцатое сентября: двенадцатого у нее была ночная смена (кто же делает такие признания утром?), а тринадцатого выходной, да и число несчастливое.

И вот в половине пятого я стоял под кленом, уверенный в себе мужчина, обновленный человек, и ждал появления любимой женщины. Речь свою я давно отрепетировал и теперь почти совсем не волновался. «Скорые» подъезжали и уезжали, мужчины и женщины в белых халатах выходили покурить на крыльцо, солнце, нежаркое, сентябрьское, золотило дорожки. Я ждал, спокойно посматривал на часы (да, часы я тоже купил новые!). На подъехавшую «десятку» я сначала не обратил особого внимания – подъехала, и пусть ее. И мужчиной, сидящим в ней, тоже не заинтересовался. Сердце не забилося сильнее в предчувствии несчастья. Зато оно сразу дало сбой, когда в три минуты шестого в очередной раз (но для меня не в оче-

редной, а в тот самый, в тот единственный самый) скрипнула дверь и показалась Елена. Она тоже была какая-то обновленная. Платье другое, другая прическа... Но дело не в том – ее лицо стало другим: новым и каким-то радостно-просветленным, ее походка стала другой: более легкой и плавной. Она улыбалась. В ту секунду я ничего не понял, в ту секунду я улыбнулся в ответ, хотя видеть она меня и не могла. И, продолжая улыбаться, оставался в неведении катастрофы еще несколько секунд. Неладное я почувствовал, когда Елена свернула на дорожку. Что-то кольнуло в сердце: а ведь улыбка ее не просто улыбка: она предназначена кому-то. И взгляд ее тоже не просто взгляд: смотрит она не так, как обычно, – прямо перед собой или по сторонам, а на кого-то конкретного. Мужчина в «десятке» распахнул дверцу, Елена подошла к его машине, просияла взглядом, села, и они уехали.

Они уехали, а я остался стоять. Мне хотелось закричать, мне хотелось броситься бежать за ними, но я безмолвно стоял на дорожке.

Не передать, как мне было больно – физически больно: сердце болело, когда я возвращался домой, когда уже вернулся, когда лежал, отвернувшись к стене. Мне было так больно, что я ни о чем не думал, полностью сосредоточился на этой боли, жил внутри нее. Мне было так больно, что даже обиды в тот момент никакой я не чувствовал. Боль вытеснила все, в том числе главное – ненависть к моему сопернику. В тот вечер мне и в голову не пришла такая простая, такая естественная мысль: а ведь он тоже всего лишь человек, значит, смертен, значит, его можно убить.

Глава 3

История смерти

Похоронный марш все звучал и звучал в моей голове. Звучал, пока я ехала в автобусе. Звучал, когда я пересела в маршрутку. Я не могла больше этого вынести, вышла на две остановки раньше возле большого торгового центра – здесь всегда играла громкая жизнерадостная музыка. Я хотела перебить, заглушить мотив в моей голове и немного побыть с людьми – попрощаться. Внутрь заходить не стала, села на скамейку возле неработающего фонтана. Здесь, в центре города, было почти так же холодно и ветрено, как на кладбище. И так же тоскливо и пусто, несмотря на веселую громкую музыку, несмотря на толпу народа. Глупая была идея выходить на этой остановке, ехала бы сразу домой и поскорей все закончила. Зачем прощаться, зачем заглушать мотив? Разве дороги мне эти посторонние люди? Разве похоронный мотив не подходящий фон для того, что я собираюсь сделать? Готовиться к смерти мне тоже не нужно – я давно готова. И совсем не боюсь, потому что знаю, как умирают, – однажды я уже умерла.

Смерть всегда неэстетична, а самоубийство еще и карикатурно, поэтому я не захотела, чтобы друзья и знакомые видели мое мертвое тело, не захотела торжественных похорон, сочувственных но-лживых восклицаний: такая молодая! – не захотела. Но может, дело было совсем не в этом. Я бежала от этого ужаса – вот и все, в прямом смысле слова бежала. Мост был просто предлогом, омут был просто целью. Я ведь там никогда раньше не была, только слышала и видела это место по телевизору: на этой реке в этом самом месте часто тонут люди, и тела очень немногих удается найти. Образ моста возник сразу, как только я подумала о смерти, мост стоял перед глазами все время, пока я отмывала машину. Возле передней фары образовалась вмятина – красноречивая вмятина. Я подумала, что до моста могу и не доехать, остановят гаишники, но продолжала отмывать, отмывать, макать тряпку в ведро с водой и мыть, мыть, отмывать кровь, не в силах отвести от моста взгляда. О мосте было думать почти приятно, мост отвлекал меня от других, невозможных, мыслей, мост успокаивал.

Мост, когда он возник в голове, и вывел меня из кошмара, в котором я пребывала вторые сутки. Мост подсказал мне выход: все просто, безвыходных положений не бывает, хватит сидеть в углу в позе, естественной только для эмбриона, вставай, разомни ноги и иди, беги, действуй, короткий полет вниз, в омут – и ужас останется позади, ужас больше тебя не будет касаться.

Впрочем, нет, не мост подсказал мне выход, о таком выходе я догадалась раньше, только не могла решиться. У меня было сколько угодно подручных средств, чтобы покончить с кошмаром, но дома я отчего-то на это никак не могла решиться. Мне было страшно. Не умереть – умереть-то я как раз хотела в тот момент больше всего на свете, – а не знаю чего. Я сидела в углу комнаты, обхватив колени руками, и боялась даже вытянуть ноги, хоть они уже до того затекли, что я их не чувствовала. Я боялась пошевелиться, боялась глубоко дышать – меня пугал звук моего дыхания, боялась, что опять, как утром, зазвонит телефон, и тогда сердце не выдержит, разорвется от ужаса. Я представляла, как все-таки преодолеваю страх, поднимаюсь и иду на кухню. Там, в аптечке, есть то самое, что меня избавит, избавит... Я представляла, как иду в ванную, – там тоже есть то, что мне нужно... Но не могла подняться, не могла никуда идти – мне было непереносимо страшно идти. Тогда я думала: идти никуда не обязательно, нужно только подняться и открыть окно – шестой этаж, внизу асфальт... И тут же возникал образ моего обезображенного мертвого тела и кровь, кровь... Со мной случался настоящий припадок, что-то вроде эпилептического. Кровь перенести я не могла, совсем не могла. Мне не было себя жалко, своего окровавленного тела на асфальте, и толпа лживо-сочувствующая: такая молодая – меня не возмущала – это неправда! – но крови перенести я не могла.

А когда возник мост, я успокоилась, встала, пошла, написала записку, оделась, добралась до своего гаража и даже без содрогания, без ужаса смогла отмыть кровь. Кровь ребенка, которого я вчера утром убила.

Не знаю, как он оказался на дороге, один. Я ехала на работу, и тут он возник – маленький мальчик, лет шести. Помню ужас, помню отчаяние, что вот сделать ничего нельзя, слишком мало расстояние, помню страшный толчок, помню крик – мой? ребенка? Помню кровь... Очнулась я в гараже, сидящей в машине. На лбу шишка, рука в кисти болит. Не знаю, как я там очутилась. Не помню, совершенно не помню, что было дальше, после того, как я сбила ребенка. Знаю, что он мертв, но не знаю, почему я так точно это знаю. Я должна была выйти из машины, попытаться ему помочь, вызвать скорую, вызвать ГАИ. Ничего этого я не сделала! Я сбила насмерть ребенка и скрылась с места преступления. Иначе как бы я оказалась здесь, в гараже, сидящей в своей машине? Этого кошмара мне, конечно, не пережить. Такого кошмара никто бы не выдержал. Но мне как-то хватило сил добраться от гаража до угла в комнате. Помню, был вечер, сумерки, когда я вышла из гаража, и совершенно темно, когда я осознала себя в углу. Утром зазвонил телефон, и звук его был таким же кошмаром, как крик на дороге, не помню чей, мой или мальчика. Только здесь я не поступила, как там, не сбежала, не скрылась, не провалилась в беспамятство. Встала, пошла на затекших, чужих ногах, взяла трубку, затекшим, чужим голосом ответила. Звонили с работы, справлялись о моем здоровье – в городе бесчинствует грипп, они решили, что я – всего лишь очередная его жертва. Так просто было объяснено мое отсутствие. И никто, получается, еще ни о чем не знал. Ну да, конечно, никто не знал, иначе мне бы не позволили сидеть в моем углу. Я убила ребенка, а никто ни о чем не знал. Я убила ребенка и даже не вышла из машины, сбежала, скрылась, я превратилась в зверя, а они продолжают думать, что я – это я. Был момент, когда мне захотелось позвонить, рассказать кому-нибудь, кем я стала, и попросить помощи: сообщить в милицию, сообщить еще куда-нибудь – в такую инстанцию, где убивают зверей. Но на меня вдруг напал страх, тот самый страх, с которым я никак не могла справиться. До тех пор не могла, пока не возник спасительный мост. Я сидела в углу, боялась, перебирала всевозможные средства избавления от себя, но ни на что не могла от страха решиться, и тут вдруг увидела: большой мост высоко нависает над водой. Некоторое время я просто бездумно его созерцала, но потом узнала этот мост и поняла, для чего он возник. И сразу почувствовала облегчение, и сразу перестала бояться, и убитый мною ребенок затих, перестал кричать, тоже обретя успокоение.

Я поднялась, отыскала ручку и лист бумаги, написала записку – мне даже задумываться не пришлось, текст сам собой написался, словно под диктовку. Прикрепила магнитиком записку к холодильнику, чтобы долго потом не искали, сразу на нее наткнулись. Оделась, причесалась перед зеркалом, подкрасилась. Дверь не стала запирасть на ключ, только прикрыла. Спускаясь по лестнице вниз, представила почему-то, что у подъезда стоит машина скорой помощи, она приехала за мной. Конечно, никакой машины там не оказалось. Был пасмурный ноябрьский день, холодный и ветреный.

Дорога до гаража показалась бесконечной – мне не терпелось поскорее оказаться у цели, но я чувствовала себя больной и разбитой, еле-еле могла передвигать свое тело. А когда наконец добралась до гаража, натолкнулась на новое препятствие: машина моя, вся передняя часть была в крови. Эту кровь требовалось отмыть, но я даже вообразить себе не могла, как стану это делать. Но помог мост. Я набрала в ведро воды, разыскала тряпки.

Я отмывала кровь, а мост стоял перед глазами. Я макала тряпку в ведро и не отрывала взгляда от моста. Возле передней фары справа обнаружилась вмятина, я подумала, что до цели своей могу и не доехать, остановят гаишники, но так ясно увидела себя стоящей на мосту: ветер, я ежусь от холода, внизу темно-серая, как асфальт после дождя, вода, – что не поверила в возможность такой несправедливости. Конечно, никаких гаишников я не встречу, а если и встречу, они все поймут, войдут в мое положение и не станут препятствовать.

Я мыла машину и представляла мост, я отмывала кровь убитого ребенка – мост меня успокаивал. И мне уже казалось, что он все время был со мной, все эти сутки: как только я подумала о смерти, сразу же мост и возник. Я не помнила больше о своих страхах, не знала ничего о том, как сидела в углу комнаты, перебирала всевозможные способы и ни на что не могла решиться. Голова работала четко, но так, будто это была не моя голова. И души своей я больше не чувствовала. Просто мыла машину. Тщательно мыла, как если бы она была испачкана солидолом или другой какой-нибудь трудно отмываемой грязью.

Наконец следы моего преступления были уничтожены. Больше ничто не задерживало. Я вывела машину из гаража, закрыла дверь и поехала.

До моста я доехала, когда стало смеркаться. Сумерки всегда действовали на меня угнетающе, с самого детства. А сейчас, в этом пустынном, холодном, тоскливом месте, произвели просто ужасное впечатление. Я не думала, что еще чего-нибудь смогу испугаться, а вот испугалась. Душа моя вернулась ко мне и невыносимо заболела. Я представилась самой себе шестилетней девочкой, заблудившейся на этой незнакомой реке. Никто не придет забрать меня отсюда, потому что никому не известно, где я. В записке я не написала, каким образом собираюсь покончить с жизнью, а телефон умышленно оставила дома, позвонить теперь не смогу. Да и кому звонить? Маме? Она живет в другом городе, в другой стране. Другьям? Нет у меня таких друзей, которые могли бы примчаться за мной в такое страшное место.

Я вступила на мост, мне отчетливо были слышны мои шаги, и это пугало, это так пугало, что ноги отказывались идти дальше, ноги боялись издавать шаги. Ветер дул с неистовой силой, но шаги все равно были слышны. Глаза стали слезиться. Или это я заплакала от отчаяния и ужаса? Как могло со мной произойти такое? Жила себе спокойно, не очень счастливо, но, в общем, как все живут. Жила, жила и дожила до такого кошмара. И почти стемнело, и ветер, и вода внизу никакая не серая, а черная. Я не хочу в эту воду! Я не хочу идти дальше по этому страшному мосту, где шаги так отчетливо раздаются. Мне холодно, я не хочу умирать!

Повернуть назад? Записку еще не успели обнаружить. Никто не знает о том, что я убила ребенка. Повернуть назад и вернуться. Там свет, там тепло, там нет этого страшного речного запаха – я там живу. Я. А жизнь, которую я вчера утром убила, – чужая жизнь. Я ничего не знаю об этом мальчике и никогда не узнаю. Можно, значит, просто забыть, не вспоминать, сделать вид, что мне просто все это приснилось. Я не хочу умирать!

Если идти на цыпочках и сосредоточиться на ветре, шаги не слышны. До середины моста осталось совсем немного. Нужно успеть до того, как совсем стемнеет. Беззвучно, но быстро двигаться. Дорогу назад, дорогу домой мне все равно теперь не найти. Нельзя возвращаться. Нельзя жить, зная, что ты – убийца ребенка. Простой способ... Лучший выход... Недаром этот мост возник в голове, как только... Ну вот, и дошла.

Я ни с кем не успела попрощаться. Я не успела написать маме – записка такая безликая, записка ни к кому конкретному не обращена. Я оставила дома телефон. Что ж, все равно. Какие высокие перила, какие они холодные! Перчатки я тоже оставила.

Машина! Она же осталась почти у самого моста! По номерам меня быстро вычислят. Хотела, чтобы тело не нашли, а теперь ничего не получится. Что ж, и это не важно.

Мне нужно попрощаться. Мост подо мной – твердая опора – через минуту ее уже не будет. Воздух холодный, пахнувший рекой – через минуту его не будет. Ветер выстуживает душу – через минуту ни ветра, ни души уже не будет. Прощайте...

Смерть всегда неэстетична, а самоубийство еще и карикатурно. Я, стоящая на мосту, – карикатура на человеческую трагедию. Я, убившая ребенка, не имею права ни на прощание, ни на жалость, даже к самой себе. Я приговариваю себя к смерти.

Холодно.

Скоро все закончится.

Страшно. И ведь закончится все не так скоро. Мне предстоит претерпеть...

Перелезть через перила в теплой толстой одежде совсем не просто. Отцепить руки от перил очень, очень трудно. Невозможно отцепить! В бездну эту нырнуть невозможно! Я не могу...

Сосчитаю до десяти – и разожму. Один, два, три... Я не могу поверить, что умру! Не могу поверить! Четыре... Бессмысленно длить! Разжимаю.

Вода стремительно... изменить невозможно... приближается стремительно... В воздухе нет опоры. Чудовищный удар, чудовищный холод. Душа зашлась ужасом. В черном мраке, без слов, кричала.

Я его видела, но, наверное, сошла с ума, потому что совсем не воспринимала. И ничего не воспринимала, не понимала, что жива. Тело горело, но я не понимала, что оно горит, не пыталась понять, проверить, что там с ним произошло. Человек, которого я видела, давно уже видела, улыбался и произносил, громко, отчетливо – понимая, что я могу не понимать, – в третий раз одну и ту же фразу:

– С возвращением в жизнь!

Тело горело, голова тоже горела. Все это я чувствовала, но не понимала. Гибель клеток мозга в результате асфиксии – вот что, вероятно, произошло. Или психогения в результате шока.

– Вы живы, понимаете?

Нет, этого я не понимала. Вернее, понимала, но понять не могла.

– Да вы хоть рады? Или хотите назад? – Он опять улыбнулся. – Может, я вас напрасно спас?

Нет, не напрасно. Назад, в тот черный холод, я не хочу. Просто пока не могу понять, не могу включить мозг, но это пройдет.

– Не молчите. Я знаю, вы в состоянии говорить – взгляд у вас вполне осмысленный.

– Почему...

Он не прав, говорить я не в состоянии, вот попыталась и не смогла. Попробую еще раз.

– Почему...

– Почему я вас спас? Ну знаете! На моих глазах женщина прыгает с моста, что же я, должен был спокойно пройти мимо?

– Почему... горит... Почему тело...

– А! Это я растер вас спиртом. Вода ледяная, не май на дворе. Чтобы вы не подхватили воспаление легких.

Впрочем, я спросила о теле не потому, что мне действительно было это интересно, а для того, чтобы что-то спросить, – он так хотел услышать от меня хоть какой-нибудь осмысленный звук. Я не была ему благодарна за спасение, пока еще не была, не могла осмыслить эту благодарность, да и само спасение не осмыслила.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он с той требовательной озабоченностью, с какой и должен, вероятно, спрашивать спаситель.

– Хорошо, – соврала я из вежливости, но он не поверил – вероятно, из той же вежливости.

– А по вашему виду не скажешь. Знаете, я думаю, что вам неплохо бы выпить чего-нибудь горячительного.

– Не знаю... Я вообще-то не пью.

– Да я тоже не пью, но сейчас нам с вами просто необходимо выпить. Отпраздновать ваше спасение. У меня, правда, только спирт.

– Не весь ушел на мое тело? – попыталась я пошутить, для поддержания легкости общения, которую он мне навязывал, и еще потому, что поняла: могу уже не только говорить связно, но и шутить.

– О, у меня много спирта! Держу для медицинских целей, и вообще: спирт – вещь в хозяйстве полезная.

Он рассмеялся и ушел из поля моего зрения – я все еще лежала неподвижно, на спине, не испытывая ни малейшей потребности выяснить, где нахожусь, на чем лежу, и потому видимая картина была ограниченной. Со слухом тоже было не все в порядке, поэтому не знала, остался он в этой комнате или вышел в другое помещение.

– Вам надо хотя бы сесть, – заговорил он совсем близко, – лежа пить спирт не рекомендуется.

Мне не хотелось шевелиться, не хотелось думать, тем более пить спирт в обществе спасителя, но делать было нечего – обижать его тоже нельзя, пришлось подчиниться. Я приподнялась, осмотрела себя (на мне оказался чужой толстый свитер и спортивные брюки – вероятно, спасителя), затем комнату (бревенчатые стены, голый дощатый пол, печка в углу – вероятно, дача) и села (подо мной обнаружилась узкая койка с панцирной сеткой).

– За ваше здоровье! – Он протянул мне стопку.

Спирт мне еще никогда пить не приходилось. Даже в студенческие времена, даже во время тяжелых ночных дежурств в больнице. Я осторожно пригубила из стопки.

– Нет, так не пойдет, пейте залпом. Вам нужно окончательно согреться и прийти в себя. Давайте еще раз: за ваше здоровье! – Он чокнулся с моей стопкой, и мне пришлось подчиниться: влить в себя эту враждебную моему организму жидкость. Как ни странно, удалось ее проглотить и даже не закашляться.

– Вот так! Молодец! – одобрил спаситель мой героический поступок. – Запейте водой.

Он поднес мне стакан. Я сделала большой глоток, вода оказалась просто обжигающе холодной. Как та, речная вода, только без запаха.

Спирт подействовал сразу. Вернулись чувства, вернулось понимание того, что со мной произошло.

– Напрасно вы меня спасли, – сказала я и ощутила, что плачу. – Теперь мне придется снова пройти через это. А оно так страшно... так ужасно... так трудно решиться... и так не хочется умирать! А жить невозможно!

– Не надо плакать. – Он погладил меня по голове, нежно и бережно, и от этого я разрыдалась.

... Мы пили спирт весь вечер, всю ночь. Я напилась почти до бесчувствия. Я рыдала и билась в его руках – он меня прижимал к себе и пытался утешить. Я рассказывала, рассказывала ему все: всю свою историю, всю свою жизнь, обливаясь спиртом, обливаясь водой, которую он мне заботливо подносил, – он слушал не перебивая, не осуждая. Я думаю, что настало утро, когда я наконец отключилась и уснула – за окном все еще было темно, в ноябре светает поздно.

Несколько дней я прожила у него в этом дачном домике на краю опустевшего по осени поселка. Пару раз он ненадолго уезжал в город – зачем, не говорил, мы с ним вообще почти не говорили. Та пьяная ночь не принесла мне утешения – с каждым днем отчаяние мое становилось все отчаянней. Я понимала, что жить невозможно, и очень хотела жить. Так трудно было решиться предпринять новую попытку... Но выхода не было. Выхода не было, но я просто физически не могла убить себя, еще раз убить. И когда отчаяние мое дошло почти до помешательства, мой спаситель снова меня спас.

Выход, который он мне предложил, показался тогда настоящим избавлением от кошмара. Да, конечно, я согласилась...

– Здравствуйте, Елена Владимировна! – Мужской голос, знакомый голос – голос моего спасителя – прозвучал совсем близко, словно материализовавшись из воспоминаний. Я не поверила в такую фантастическую возможность и все же повернула голову и по инерции улыб-

нулась. – Я уже давно тут с вами сижу, но вы так глубоко ушли в себя, что ничего вокруг не замечаете.

Это действительно был он, мой спаситель. Почти не изменился, только немного постарел, да ведь и я, наверное, постарела. Я так ему обрадовалась!

– Вы?! Но как...

– Нам необходимо поговорить. – Он улыбнулся и взял меня за руку. – Пойдемте?

– Как вы узнали... как вы догадались, что я... Боже мой! – Я прижалась щекой к его плечу, почувствовав освобождение от боли. Он снова пришел меня спасти, он поможет, избавит, найдет выход...

– Вы позволите мне попроситься на чашку чая?

– Конечно! – Я задохнулась от радости. – У меня есть очень хороший английский чай.

– Вот и прекрасно!

Мы поднялись, прошли к его машине. Он распахнул переднюю дверцу:

– Садитесь.

Я села, вдохнула воздух его машины – пахло какой-то мужской косметикой, немного бензином и еще чем-то... И тут же радость моя испарилась, исчезла, я поняла, что никакого спасителя у меня в принципе быть не может и выход найти невозможно. Моя боль останется внутри меня навечно, пока я жива, есть только один способ от нее избавиться. Напрасно он пришел, напрасно я сидела на этой скамейке у торгового центра, напрасно тянула время. Напрасно вспоминала ту прошлую свою несостоявшуюся смерть – теперь мне опять стало страшно, почти невозможно сделать то, что задумала. А ведь еще вчера, еще сегодня утром я не только совсем не боялась, но и мучилась оттого, что нельзя умереть сейчас же, сию минуту.

Мой спаситель мне ни к чему, он будет только мешать, убивать последние остатки решимости. Помочь мне никто теперь не может, а помешать умереть – значит обречь меня на вечное страдание. Тот незнакомец на кладбище тоже предлагал помощь. Где же я его видела раньше? Знакомое лицо... не знаю. Впрочем, какая разница? Помочь он мне все равно не мог.

Мы ехали молча: я все не знала, как ему сказать, что на этот раз его участие мне не поможет, он, вероятно, не хотел начинать душеспасительный разговор на ходу. У подъезда я вдруг сообразила, что не назвала свой адрес. Получается, ему известно, где я живу? Впрочем, ему, наверное, известно обо мне все, раз явился в тот самый момент, когда... Поскорее бы от него избавиться. Соглашусь со всем, что он предложит, сделаю вид, что верю в спасение. Да! Нужно ведь еще чаем его напоить. Как некстати, как не ко времени он явился! Как мешает, мешает!

Мы поднялись на мой этаж, вошли в квартиру. Я проводила его в комнату, а сама отправилась на кухню заваривать обещанный чай. Долго не закипал чайник. Невыносимо долго настаивалась заварка. Какое варенье подать – вишневое или абрикосовое? Присутствие постороннего в последний час жизни просто убивает. Не сделать ли укол прямо сейчас, не дожидаясь его ухода, пока остатки решимости не иссякли? После его спасительной беседы кто знает, смогу ли я...

Я вдруг поняла, что не хочу умирать, что самоубийство придумала для того, чтобы пережить Женину смерть, для утешения, для облегчения боли. А умирать-то и не хочу.

Наконец чай заварился. Я разлила его по чашкам и понесла в комнату, забыв о варенье. Надо поскорее его выпроводить и, не думая ни о чем, просто вколоть себе укол, написать записку и избавиться от всего навсегда.

– Вот ваш чай, – сказала я нетерпеливо, поставила чашки на столик и села в кресло напротив. – Знаете, вообще-то у меня мало времени. Я хотела бы...

– Вы хотели бы поскорее убить себя? – Он улыбнулся неприятной, все понимающей улыбкой эдакого сверхчеловека. – Что ж, вот тут-то как раз торопиться не стоит.

– Собираетесь мне опять помешать? – спросила я почти враждебно.

– Нет, – он опять улыбнулся, – не собираюсь. Ваша смерть как раз и входит в мои планы. Именно об этом я приехал поговорить, обсудить, так сказать, условия, дать вам необходимые инструкции.

– Инструкции? Какие инструкции?

– Где, когда и как вы умрете.

Он не шутил, я поняла это по его тону, он совсем не шутил.

– Но почему?...

Я совсем растерялась, даже вопрос не смогла сформулировать, в голове был полный разброд.

– Потому что вышел ваш срок. Помните, о чем мы договаривались?

– Мы не обговаривали какой-то определенный срок.

– Конечно. Ведь заранее знать, насколько это затянется, мы не могли. Вам повезло – вы прожили целых пять лет. И мне повезло – вы снова готовы добровольно уйти из жизни. Или я ошибаюсь?

– Н-нет, я готова...

Теперь я окончательно поняла, что совсем не готова. Да! Я не готова и никогда не буду готова!

– Вот и прекрасно!

Я не готова! Я не хочу умирать! Но как сказать ему об этом? Стыдно сказать, невозможно сказать! И я не скажу, я сделаю вид...

– Вы собирались покончить жизнь самоубийством сегодня?

– Да. Но вы помешали. Как только вы уйдете, – начала я бесстыдно врать, – сразу и...

– Не стоит торопиться. Вы умрете второго декабря.

Глава 4

Шантажист

Мысль, что враг мой смертен и, значит, его можно убить, пришла ко мне позже. А в тот вечер я и не помышлял об убийстве. Сначала-то я вообще ни о чем не помышлял и не думал, лежал, отвернувшись к стене, скорчившись от боли. Но когда первый приступ прошел, когда немного отпустило, включилась мысль, но мысль эта была совсем не об убийстве. Мозг мой бился, словно в лихорадке, отыскивая простые объяснения. Он, этот пижон на «десятке», – никакой не любовник, а брат Елены, живет в другом городе, поэтому я о нем до сих пор ничего не знал. Он приехал ее навестить, у него отпуск. Нет ничего удивительного в том, что брат встречает свою сестру с работы, – они долго не виделись, отпуск скоро кончится, и опять станут неизвестно насколько. Конечно, он брат, не любовник, иначе и быть не может, ведь у нее есть я. Когда-нибудь, позже, когда все встанет на свои законные места, я расскажу им, как принял его за любовника, и мы вместе посмеемся. Елена скажет: не думала я, что ты у меня такой ревнивец! А брат подмигнет Елене: такая ревность означает большую любовь, а Елена ответит ему – мне, конечно, мне! – слегка покраснев: я знаю.

Или, может, не брат, друг детства. Приехал в наш город по делам, на улице случайно встретил Елену, они разговорились, детство вспоминая. Нет ничего плохого в том, что он решил встретить ее с работы...

Или не друг детства, а просто друг. У него жена, две дочки, больная мать. Вот ради матери он и решил увидеться с Еленой: посоветоваться как с врачом, попросить содействия в устройстве в больницу.

Мысль моя билась, билась, выискивая спасительные лазейки, но об убийстве я, честное слово, не помышлял.

Успокоенный объяснениями, избавленный от кошмара, я наконец уснул. А на следующий день уже стоял на посту под кленом. Я боялся идти, боялся, что объяснения мои разобьются о жестокую реальность. И все же не мог удержаться – пошел. И целый час, нет, больше часа пребывал в настоящем блаженстве: он не явился, она, как раньше, в том, счастливом раньше поехала домой на автобусе. И, как раньше, я проводил ее до самого дома...

Почему я не ушел тогда? Что мне стоило уйти? Зачем я задержался на скамейке во дворе ее дома?

Я пребывал в блаженстве – вот почему не смог так сразу уйти. Сидел и представлял, что скоро – через полгода или того меньше – буду воспринимать этот двор как свой, родной. Мы поженимся и станем жить здесь, у нее, а мою квартиру продадим (чтобы пресечь возможность... ну, ту самую, с присылкой Елене анонимного письма) и купим дачу. Я так замечтался, что не сразу понял: счастьем моему конец, мечты мои никогда не осуществляются. Подъехала белая «десятка», остановилась возле Елениного подъезда, а я не сразу понял... И только когда он вышел из машины, когда поднялся по ступенькам крыльца...

Но и тут, и тут я не подумал об убийстве. Я снова стал изобретать объяснения. Вернее, вспоминать те, ночные. На плече у него висела большая спортивная сумка – с такими ездят в путешествия и в командировки, значит, обе версии – и о брате и о друге детства – подтверждаются. Он приехал из другого города с этой сумкой, другой у него с собой нет, вот разгрузил и носит. А третья, о друге с больной матерью... Да бог с ней, с третьей, двух вполне достаточно, чтобы успокоиться.

И все же до конца успокоиться мне не удалось, ночь я провел ужасную. А на следующий день, как дурак, как полный болван, вновь потащился на свой пост под клен. Только пост-то мой был уже занят. Он стоял там, мой враг. Приехал на своей проклятой «десятке» раньше

меня и занял мой пост. Он меня вытеснил, с моего места согнал! Не могу передать, как я разозлился. Я был готов его убить. Не в прямом еще смысле слова, а как в запале говорят.

Я был вне себя, но даже тут нашел поводы для самоутешения. С затаенной радостью отметил, что цветов в его руке нет, что лицо у него не такое, как должно быть у влюбленного: на нем только выражение ожидания без нетерпения, без предвкушения счастья. А когда Елена подошла, он ее не поцеловал, не обнял. Значит, я прав: он брат, всего лишь брат.

На следующий день у Елены был выходной. Потом две смены подряд она работала в ночь. Я не видел ее три дня, целых три дня. Я очень надеялся, что брат уже уехал, – не бесконечно же будет длиться его отпуск. Но он не уехал.

Он вообще не думал никуда уезжать. А я упрямо не отступался от братской версии. Тихой тенью скользил за ними повсюду, собирая по крупинкам подтверждения того, что между ними лишь братско-сестринские отношения. Он всегда приходил на встречу – я не допускал мысли о свидании! – без цветов. Он всегда был ровен в приветствиях, никакого влюбленного пыла не выказывал. Ну да, вот он чуть задержал ее руку в своей, но ведь всего лишь чуть. Вот Елена прижалась к его плечу, но ведь так вполне могла прижаться сестра к плечу брата. Вот она на него посмотрела, и глаза ее осветились такой любовью! Так на братьев не смотрят! Так даже на самых любимых братьев не смотрят! Я понял, понял, но все равно продолжал себя обманывать. И продолжал всюду следовать за ними, следовать и выслеживать.

Конечно, в конце концов выследил. Выследил, застал, застукал – они целовались. Они целовались прямо на улице. Они целовались под кленом. Под моим кленом они целовались. Брат и сестра. Целовались, как самые распоследние влюбленные. Не замечая ничего и никого вокруг. Меня, убитого, не замечая.

Через меня, убитого, они перешагнули и поехали в ресторан. Я, убитый, приподнялся на четвереньки и пополз за ними. Я знал, куда ползти, слышал, как они, целуясь, договаривались.

Ресторан был дорогой и потому полупустой. Мне легко удалось занять столик рядом. Я не хотел прятаться, наоборот, желал, жаждал, чтобы они меня заметили. Заметили и устыдились. Чтобы Елена убрала наконец его наглую руку со своего плеча. Чтобы не смотрела на него таким взглядом. Чтобы... поняла, как я ее люблю, что так любить ее могу только я, потому что для нее только я настоящий. Чтобы...

Тихо играла музыка. Они тихо танцевали. Я тихо сходил с ума. Ничего у меня больше не было и ничего быть не могло. Моя рука судорожно сжимала и разжимала нож. Ручка этого ресторанного, бутафорского, тупого, ни к чему не пригодного ножа нагрелась и словно что-то мне хотела подсказать, натолкнуть на какую-то мысль. Если нельзя так, то, значит, можно этак, если он не брат, то, значит, нужно его просто устранить. Я ей смогу все потом объяснить, и она поймет. Ей будет нелегко, но она сможет с этим справиться. И я смогу – смогу убить, ведь это даже не убийство, а устранение препятствия. Если тогда смог – а в первый раз сделать это было сложнее, в первый раз всегда сложно, и потом, это ведь был мой отец, – то теперь тем более справлюсь. Да я просто обязан устранить этого наглеца, так собственнически обнимающего мою Елену. Ведь если я этого не сделаю, значит, и смерть отца обесмыслится. Он умер затем, чтобы я ее встретил. Но встретил я Елену не для того, чтобы какой-то урод отнял ее у меня. Танцуют... и опять целуются! Твою мать, да если я его не убью, если я его сегодня же не устраню... перестану уважать себя как человека. Прав тогда окажется отец: я не мужчина. Я докажу, докажу, себе и ему докажу...

Я «довел» их до ее дома – взял такси и назвал адрес Елены, мы выехали почти одновременно: они чуть впереди, я – за ними. Расплатился, отпустил машину и стал ждать. По моим расчетам, он должен был выйти скоро: проводить до двери и вернуться. Вот ее окна осветились – вошла в квартиру, сейчас, сейчас он появится. Нож, тупой, никчемный нож, я прихватил в ресторане, но теперь знал, как сделать его вполне кчемным, как превратить в орудие смерти: пуля тоже на вид вполне безобидна, но когда она, вылетев из дула пистолета, пробивает висок,

ни о какой безобидности и думать не приходится. Нужно с силой ударить. Напасть внезапно, сбить его с ног – и с размаху в висок. Еще можно в глаз, но в висок, мне видится, надежней.

Я стоял, и ждал, и сжимал в кармане нож – ручка опять нагрелась, как тогда, в ресторане, ручка просто раскалилась. Но он все не выходил. Ну сколько можно прощаться? Может, я его пропустил, он давно вышел? Не может быть! Я все время был тут, из подъезда никто не выходил.

Ее окна погасли. Окна погасли, а он так и не появился. Что это значит? Он там остался, с ней, в темноте? Они вдвоем, они... Но ведь это просто невозможно! Она моя, только моя!

Я опустил на землю – рухнул, – обхватил голову руками и закачался как сумасшедший. Картины, одна невозможней, непристойней другой, замелькали перед глазами. Я ведь про нее все знаю, мы столько ночей провели вместе. Я знаю, как она прикрывает глаза, целуясь, как распрямляются ее плечи в момент желания, как дрожат ресницы, продолжая дрожь ее тела... У них будет утро. Нет, это невозможно! Его разбудят ее вспухшие от моих поцелуев губы. Ему она станет готовить мой завтрак на кухне, забыв надеть халат, пока он моется в душе. Невозможно, невозможно! Он – это я? Прекратите!

Но свет не зажигался в ее окнах. Свет не зажигался! Я сидел на земле. Он не выходил. В эту ночь я его так и не дождался.

* * *

Потом, позже, я понял свою ошибку: к убийству нужно хорошо подготовиться, нельзя убивать сгоряча. Если бы тогда, в ту ночь, он не остался с Еленой и я попытался бы его устранить, ничего бы все равно не вышло. Я весь горел, плохо соображал, а у него гораздо лучше моей физическая подготовка. В моем деле требуются выдержка и холодная ненависть. И еще верный расчет.

Я следил за ним две недели. Теперь о нем мне все известно: где живет, где оставляет машину, как его имя-фамилия. Еще я знаю, что работа у него за городом и преимущественно ночная: почти каждый раз после свидания он уезжает куда-то, а временами – редко – встречается в городе с одним человеком (о чем они говорят, подслушать не удалось, да я и не особо старался – его жизнь вне Елены меня не интересует). Я изучил все его жесты и привычки – он ни разу не подарил ей цветов! Я знаю про него все. Знаю, точно знаю, что он подлежит уничтожению. Когда я буду готов. А еще однажды я понял одну вещь: не только я об этом знаю, но и он знает. Несколько раз я ловил на себе его взгляд: в первый раз – равнодушно-скользящий, во второй раз – недоуменно-вспоминающий, а в третий – все понимающий. Уверен, он тоже обо мне все разузнал: кто я, где живу, кем работаю. И готов вступить со мной в схватку. Или убить потихоньку. Тут как получится, куда обстоятельства выведут. В любом случае он ко мне придет. Я жду его. Но будет лучше, если приду к нему сам.

* * *

Было воскресенье, десять утра, я завтракал, когда прозвенел этот звонок, уверенный, самодовольный. Я сразу понял: это он – на меня словно потолок обрушился. Вот оно, наступило! Я долго и тщательно готовился к встрече с ним, прокручивал в голове различные варианты: истерический крик, срывающийся на слезы: оставь ее; рассудительно-спокойное: давай поговорим как два мужика; молчаливо-грозное нападение; убийство исподтишка, когда повернусь к нему спиной. Я продумал ответный ход на каждый из этих вариантов. И даже представил, какое при этом у меня будет лицо: плотно сжатые губы, презрительный взгляд, чуть нахмуренные брови. Я держал нож под подушкой (настоящий, а не ту ресторанный игрушку), потому что был уверен, что придет он ночью.

Я был готов к его приходу и совсем не боялся. Зверь, поселившийся во мне, ждал только команды: убей! – чтобы броситься и уничтожить своего врага. Но когда прозвенел этот звонок, вдруг понял, что совсем не готов, и испугался. Вскочил, попятился от стола, вжался в стену. Может, он уйдет? Я подготовился к его приходу, но оказался совершенно не готов. Лучше я сам к нему приду, лучше я сам! А сейчас не открою. В конце концов, могло же меня не оказаться дома, в воскресенье, в десять утра.

Звонок прозвенел снова. Не знаю зачем, на цыпочках прокрался по коридору (почему не остался на кухне?), осторожно прижался к двери и замер.

Главное сейчас – не выдать себя. Главное сейчас – успокоиться. Закрывать глаза и медленно досчитать до ста. Он уйдет, я спасусь, а потом приду сам.

– Дмитрий Семенович, откройте!

Я так сильно вздрогнул, что ударился головой о дверь и выдал свое присутствие. Я совсем не ожидал услышать голос из-за двери и так испугался, что схватился рукой за замок – и выдал себя окончательно. Я так растерялся, что перестал соображать, утратил волю и открыл дверь.

На пороге стоял не он, на пороге стоял другой человек. Я почувствовал облегчение, а затем еще больший испуг. Он, этот другой человек, пристально посмотрел мне в лицо, спустился взглядом ниже и почему-то усмехнулся. Я, под гипнозом его взгляда, тоже осмотрел себя – ужас! ужас! Я был практически голый, в одних трусах, и не тех, которые купил на случай если... а в ужасных, сатиновых, не очень свежих семейных трусах.

– Ну, здравствуйте, Дмитрий Семенович, – насмешливо проговорил он.

– Здравствуйте, – покорно ответил я, съежившись, ощущая себя до невозможности незащищенным. Мне сразу стало холодно, босым ногам неуютно и колко на голом нечистом линолеуме прихожей.

– Есть разговор. Пройдемте в комнату, – приказал он, откровенно надо мной, голым, издеваясь.

Я сник окончательно и, забыв, что ни в коем случае нельзя поворачиваться спиной к своему врагу, повернулся и поплелся в комнату, пробормотав жалкое:

– Конечно, конечно.

Он уселся на мою кровать, чуть не на подушку, под которой хранился нож, я трусливо пристроился напротив на стуле (жалкий такой деревянный стул с износившейся и почерневшей от долгого употребления обивкой). Он опять усмехнулся – не знаю, из-за голого наряда моего или обшарпанного стула. И тут вдруг я понял, кто он такой и зачем пришел. Записка! У него записка отца, или он знает о ней. Я ждал моего врага и совсем забыл, все эти дни не вспоминал о записке. Я ждал врага, а пришел шантажист. Вот уж к его приходу я точно был не готов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.